

Э. Зилер – профессор университета Мэдисон в штате Висконсин. Он редко выступает с докладами на конференциях, но регулярно публикует свои работы. Рецензируемая – последняя по времени – публикация была задумана в связи с переизданием книги Ч.Д. Бака, посвященной лингвистическому сравнению латыни и древнегреческого. Здесь сразу же нужно заметить, что книга планировалась как учебное пособие, а не как исследование с ориентирующей читателя, или тем более с исчерпывающей библиографией и с изложением хотя бы в суммарном виде различных точек зрения по тому или иному вопросу. Подход Э. Зилера к составлению руководства связан как с традициями, идущими от книги Бака, так и с некоторыми особенностями классического образования в США. В отличие от европейских программ, в программах классического образования США (предыстория классических языков, как правило, вовсе не находит места, а заменяется сравнительным образом и историческим рассмотрением известных студентам языков.

Необходимо заметить, что по сравнению с другими языками, например, романскими, классическим языком явно не везет. Как кажется, только теоретическая грамматика

классических языков нигде в мире не читается в качестве университетского курса. Все студенты, профессионально изучающие какой бы то ни было язык, считают долгом знакомство с теоретической грамматикой изучаемого языка. Для филологов-классиков как у нас, так и за рубежом знакомство с теоретической грамматикой не считается даже желательным.

Общий подход к преподаванию истории языка может строиться двояко. Согласно программам, принятым в Европе, студенты изучают историю греческого и латинского языков как две отдельные дисциплины. Естественно, что при изложении этих курсов преподавателю с самого начала приходится обращаться к сравнительно-историческому методу и характеризовать изменения в языке с точки зрения их отличий от реконструированного праиндоевропейского. Те преимущества, которые дает такое преподавание (возможность подробнее осветить языковые контакты и заимствования разных эпох), на практике используются далеко не полностью. По программам, принятым в американских университетах, предпочтение отдается другому методу, при котором на основании двух языков читается сравнительная грамматика, а затем из сопо-

ставления выводятся изменения, происходящие при переходе от праиндоевропейского к греческому и латыни. При таком подходе присутствует атомарность в рассмотрении фактов языка и почти не находят места вопросы развития языков: основным остается выяснение того, что происходит с фонетической единицей, или с отдельным морфологическим показателем. Этот метод ориентирует студентов в сторону более конкретных и наглядных знаний справочного характера, однако теоретические вопросы, касающиеся изменений языка как целого, оказываются вне поля зрения. История языка (в нашем случае – двух классических языков) оказывается сведенной к диахронному освещению разрозненных явлений, вне взаимосвязей и взаимозависимостей, и тем более вне взаимообусловленностей, т.е. вне причинно-следственных отношений, которые в диахронической лингвистике всегда устанавливаются с трудом [Hock 1986]. Оба подхода в изложении материала обладают рядом преимуществ и недостатков, однако – и это важно подчеркнуть – они не являются взаимоисключающими. Учебник, построенный на сравнении языков, достаточно легко может быть дополнен исторической канвой, позволяющей соотнести явления в рамках хронологии, чаще, впрочем, относительной, нежели абсолютной.

За этими двумя подходами к материалу стоит уже немалая история, в том числе и сравнение классических языков между собой представлено обширным списком монографий, первенствующее место среди которых, вероятно, занимает книга Мейе и Вандриеса [Meillet, Vendryès 1948].

Первое и самое главное впечатление от книги Э. Зилера – впечатление дельности и ясности мысли. Четкие и взвешенные формулировки, подробное изложение материала и реконструируемых изменений в латинском и греческом языках.

Изложение начинается с внешней истории греческого и латинского языков. Затем следует описание истории алфавитов – как греческих, так и итальянских – с упоминанием о дискуссии, касающейся этрусского влияния на формирование латинского алфавита. Особый раздел посвящен слоговым письменностям – кипрской и микенской. Здесь можно было бы ожидать sporadических отсылок к линейному письму А и кипро-минойскому, а также упоминаний о микенском курсиве, отличном от знаков на табличках и представленном только надписями на вазах. Семь орфографических правил, выведенные М. Вентрисом, сведены к

двум. Собственно здесь Э. Зилер сводит всю проблематику к практическому вопросу о цитации греческих диалектных форм. Той же цели посвящены и разделы, касающиеся правил чтения санскритских, авестийских, сабелльских, ст.-славянских, др.-ирландских и других форм.

Раздел фонологии (с. 35–242) начинается с таблицы звуковых соответствий и продолжается подробным рассмотрением развития отдельных звуков по позициям. Следует отметить, что учтены не все греческие диалектные варианты, в том числе – и существенные для сопоставления с латынью. Вообще по использованию диалектного материала фонетическая часть уступает "Исторической фонетике" М. Лежена [Lejeune 1972]. Однако здесь положение автора оказывается наиболее трудным: любой историк языка "разрывается" между языковой вариативностью как способом существования языка и тем очевидным обстоятельством, что учесть весь диалектный греческий материал при сопоставлении с итальянскими материалами в рамках одного пособия физически невозможно. Это обстоятельство справедливо, даже если речь идет о таких особенностях греческих диалектов, при которых фонетическая вариативность достаточно широка, чтобы совпасть с латынью (в § 41.2, говоря о лат. предлоге *in*, Зилер не упоминает ни кипрского *lv*, ни памфилийского *l*). Славянский материал, почти повсеместно опущенный в книге, мог бы значительно уточнить и расширить выводы автора, особенно, например, на с. 40, имея в виду латинско-славянские схождения [Трубачев 1959; Meier-Brügger 1992].

За вводной частью следует обзор фонетических изменений, в котором подробно описаны изменения гласных (с. 35–135) и согласных (с. 135–233). Зилер последовательно использует для объяснения форм ларингальную гипотезу. Специально и очень подробно разбирается аблаут. Из наиболее интересных интерпретаций отметим с. 43 Закон Каугилла (Cowgill's law)¹, согласно которому **o* любого происхождения в греческом в позиции между лабиальным и сонантом (*C^woR* > *C^wuR*; *RoC^w* > *RuC^w*) переходит в -*u* - **nok^wt* > греч. *νόξ*, **bholyom* 'лист' > греч. *φύλλον*, лат. *folium*; **mol-tH₂* > греч. *μόλη*, лат. *molīna*; **H₃nog^wh* > **onokh*-? >

¹ Ср., например, книгу М. Мейера-Брюггера [Meier-Brügger 1992], который вообще не упоминает об этом сравнительно недавно сформулированном фонетическом законе.

греч. $\delta\upsilon\upsilon\zeta$, $\delta\upsilon\upsilon\chi$ - и т.д. Обсуждая относительно хронологию закона Каугилла, которая строится на исключениях, Зилер постулирует изменение $\kappa\omicron\lambda\omicron\varphi\omega\upsilon$ "вершина" < * $\kappa\omicron\lambda\omicron\varphi\omega\upsilon$ < * $\kappa\omicron\lambda\omicron$ -"холм". Между тем, нет необходимости постулировать ассимиляцию $\kappa\omicron\lambda\omicron\varphi\omega\upsilon$ < * $\kappa\omicron\lambda\omicron\varphi\omega\upsilon$, когда в микенском в средней позиции засвидетельствован переход $n > o$, и тем самым действие закона Каугилла должно датироваться предмикенским временем (но, вероятно, не ранее выделения будущих носителей крито-микенского диалекта из общегреческого).

Вообще в разделе фонетики материалы изложены подробнее, чем в книге Рикса [Rix 1962] и сконцентрированнее, чем у П. Шрейвера [Schrijver 1991]. Учтены многие специальные работы, прежде не включавшиеся в учебники (ср., например, статью О. Семеренхи о греч. $\tau\omicron\lambda\lambda\upsilon\varsigma$ на с. 43). Подробнее, чем у М. Лежана [Lejeune 1972], разобраны примеры на ассимиляцию гласных в греческом языке, ср. атт. $\mu\acute{\epsilon}\gamma\epsilon\theta\omicron\varsigma$ при ион. $\mu\acute{\epsilon}\gamma\alpha\theta\omicron\varsigma$ из * $meg'H_2$ -, зол. $\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon\tau$ - "зуб" при обычном $\acute{\omicron}\delta\omicron\upsilon\tau$ - допускает интерпретацию $\acute{\omicron}\delta\omicron\upsilon\tau$ - из $\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon\tau$ - или же исконное $\acute{\omicron}\delta\omicron\upsilon\tau$ -, которое дает в золотском $\acute{\epsilon}\delta\omicron\upsilon\tau$ - под влиянием глагольного корня $\acute{\epsilon}\delta\omega$. Основа * $temH_2$ - "резать, отрезать" должна давать в греческом $\tau\epsilon\mu\alpha$ -, из которого происходят и $\tau\epsilon\mu\alpha\chi\omicron\varsigma$ "ломтик", и к которому восходит также $\tau\epsilon\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ "земельный надел". Микенское $te-me-no$ показывает, что подобные ассимиляционные процессы должны датироваться различным временем после вокализации ларингальных и до середины II тыс. до н.э.

Мне представляется, что сравнительная грамматика должна включать по возможности полно и вопросы относительной хронологии, поскольку ряд изменений свойствен и латыни, и греческому, но не обязательно тождествен по условиям или по последовательности их протекания. Тем самым, как того и требует сопоставление, можно было бы получить и типологию диахронических изменений, а также и сравнительно-историческую картину, которую легко было бы собрать в отдельных главах и снабдить ключевые для относительной хронологии формы отсылками на предыдущий текст книги. В книге Зилера относительная хронология присутствует, но ограничена атомарными фактами, ср. § 51, где подробно разбирается относительная хронология перехода * $\acute{a} > \chi > \acute{e}$ причем выделяются следующие этапы.

1. Прагреч. * $\acute{a}$ – ион, атт. χ .
2. Падение интервокального w .

3. Сокращение гласных в различном окружении.

4. Компенсаторное удлинение * $a > \acute{a}$ перед группой * ns (ок. 800 г. до н.э.), появление фонематического $\acute{a}$.

5. Восстановление $\chi > \acute{a}$ в позиции после i, e, r .

6. Совпадение χ с $\acute{e}$ (конец 5 в. до н.э.) [?? что за дата! – Н.К.].

7. Падение w после согласного ($\kappa\omicron\rho\Gamma\eta > \kappa\omicron\rho\eta$).

При всей осторожности, какой требует метод относительной хронологии², только с его помощью возможно получить целостное представление об эволюционных процессах в языке. При отказе от этого метода исследователь неизбежно замыкается в разрозненных и никак не связанных между собой и по преимуществу атомарных данных.

Некоторые параграфы книги представляют особый интерес, поскольку Э. Зилер формулирует общие закономерности и методологические предпосылки анализа, а также характеризует накладываемые методом ограничения в выводах и степень достоверности результатов (§ 209 и др.). Ограничусь одним примером. Зилер отмечает (с. 152), что расположение языков сатэм и кентум однозначно должно интерпретироваться как противопоставление периферийного ареала архаизмов центральному по географическому положению ареалу инноваций. Разбирая отражение гуттуральных в и.-е. языках Э. Зилер делает важный вывод, относительно безусловной правильности реконструкции трех серий гуттуральных (с. 154) k^w, k, k' , тут же отмечает, что она представляет собой результат приложения метода (an artifact of the method), а не реальную картину, поскольку во всех языках различия между дорсальными смычными отсутствуют, а приводимые обычно приме-

² См. подробнее [Носк 1968: 42–44], где показано на примере санскрита, что основным изъяном метода является как правило избыточная прямолинейность выводов, так что любое уточнение механизма изменений влечет за собой и определенную смену представлений об относительной хронологии явлений. Хокк показал это на превосходном примере, основанном на работах [Sag 1974; 1976; Schindler 1976], из которых видно, как меняет относительную хронологию закона Грассманна учет закона Бартоломэ. Нужно тем не менее со всей определенностью сказать, что у нас просто нет другой методики, позволяющей охватить языковые изменения в целом и вскрыть присущую им логику.

ры из армянского и анатолийских языков ненадежны.

Подробный анализ поведения групп согласных также снабжен параллелями (без различения генетических и типологических совпадений) из истории других и.-е. языков. Неизбежная неравномерность в привлечении сравнительного материала иногда способна ввести здесь в заблуждение. Так, недостаточное внимание к фактам славянских языков заставляет читателя уверовать в редкость греческого изменения *-n- > -m-*, которое между тем представлено не только в греческом и иранских, но и в славянских языках. Тем самым изменение *n > m*, засвидетельствованное в латинском, кельтском и германских, оказывается столь же обычным, как и греческое (ср. с. 201).

Объясняя появление *-n* *ephelesticon* (с. 233), Зилер сопоставляет его с локативной флексией санскритских местоимений, а завершает примечанием, из которого следует, что в греческом оно могло быть инновацией, как свидетельствует кипрский и памфилийский диалекты, где это явление не засвидетельствовано. Памфилийский здесь явно не при чем, поскольку конечное *-n* в этом диалекте отпадало повсеместно по чисто фонетическим причинам.

Правила акцентуации Э. Зилер формулирует без предварительных замечаний об особенностях фонетического слова и вне связи с интерпункцией в греческих диалектных надписях. В связи с этим греческий язык сужается до понятия аттического диалекта в понимании александрийских ученых. Общий вывод здесь таков: акцентуационная система латыни ничего общего не имеет с индоевропейской, а греческая сохраняет очень немногое. Закон ограничения места акцентуации в греческом изложен очень суммарно, закон Уилера без указания на сомнения в его универсальности проиллюстрирован только прилагательными на *-lo-*, где он действительно "работает" без особых исключений; датировки этого закона, как и датировки закона Вандриеса, мы не найдем (с. 237), хотя о последнем и говорится, что он приводит от общегреческого к позднеаттическому. Мне больше нравится формулировка Вандриеса, который отмечал, что его закон следует во времени за законом Уилера и происходил в аттическом диалекте между VI и IV вв. до н.э. Зато подробнее, чем в других пособиях, Зилер разбирает, во многом следуя П. Кипарскому, вопрос о перемещении ударения к началу слова. Здесь (с. 238–239) ожидалось бы упоминание о начальном ком-

плексе ударных частей перед безударной глагольной формой в начальной позиции. Такая просодическая особенность засвидетельствована не только для ведического санскрита, но и для хеттского, и для микенского, и для других и.-е. языков (см. [Иванов 1979]). Зато на с. 240 при разборе латинских данных Э. Зилер фиксирует внимание на невозможности свести воедино проповедуемый поздними латинскими грамматиками перенос ударения на слог, предшествующий постпозитивной частице, и обращает внимание на данные латинского языка, говорящие совсем другое: форма *viden < vides-ne* отчетливо сохраняет старое место ударения.

Среди примеров на изменение группы *π + δ* (с. 199) приведена по ошибке форма *κρύπτω* "скрывать" — *κρύβδν*, между тем как наречие *κρύφα* "скрытно", а также прилагательное *κρύφος* "тайный" отчетливо показывают, что это пример на изменение группы *φ + δ*.

Морфология открывается описанием имени, причем развитие в сторону синкретизма падежных показателей и синкретизма падежных значений принимается как аксиома. Э. Зилер исходит из восьмипадежной и.-е. системы и только в комментариях к таблице окончаний отмечает неравномерность в представленности флексии по языкам (§ 257, 8–10). При этом, как это обычно и бывает, Зилер лишь упоминает (§ 380 "хеттский ни на что не похож") такие ряды соответствий, как флексия датива-локатива, представленная в лат. *iis < eieis*, арх. лат. *ibus*, хет. *ēdas*. Между тем варианты — даже не собственно флексии, а части флексии — могли бы указывать на особую систему местных падежей, отличную от таких падежей, как номинатив, аккузатив и генетив (подробнее см. [Казанский 1988]).

На с. 258 Зилер постулирует для тематических основ окончание аблатива * *-ōl*. Напомним, что это вполне неординарное решение, впервые предложенное Д.Н. Кудрявским [Кудрявский 1896], долгое время наталкивалась на неоправданное материальное сопротивление исследователей. Рецензенту довелось после долгого перерыва возродить точку зрения Д.Н. Кудрявского, объединявшего наречия на * *-ios* с аблативной флексией на *-l*. Приятно, что эта точка зрения теперь вошла в учебник.

Теперь имело бы смысл среди исконных падежных значений выделять также и директив (аллатив), о котором Зилер упоминает лишь кратко на с. 258. Формальное совпадение латинских *o*-основ дательного

	PIE	Mycenaean	Greek	Latin	Sanskrit
Sg. Nom	<i>pōts (** pōs)</i>	<i>Dyews (ti-ri) po</i>	πούς	<i>pēs</i>	<i>pā't</i>
Acc.	<i>pōdm</i>		πόδα	<i>pedem</i>	<i>pā'danō</i>
Dat.	<i>pdéy</i>	<i>Di-we</i>	ποδί, ΔιFτ	<i>pedī</i>	<i>padé</i>
Gen.	<i>pdós</i>	<i>ko-ru-to, Di-wo</i>	ποδός	<i>régus</i>	<i>padás</i>
	<i>pdés</i>			<i>pedis</i>	<i>padás</i>
Loc.	<i>ped, pedí</i>	<i>pi-we-ri-di</i>	ποδί	<i>pede(?)</i>	<i>padí</i>
Instr.	<i>pdéH₁</i>	<i>po-de, po-pi</i> <i>po-ni-ki-pi</i>		<i>pede(?)</i>	<i>padā*</i>
Pl. Nom.	<i>pōdes</i>	<i>to-ra-ke</i>	πόδες	<i>pedēs</i>	<i>pā'das</i>
Acc.	<i>pōdms</i>		πόδας	<i>pedēs</i>	<i>padás</i>
Dat.	?	<i>po-ni-ki-pi</i>		<i>pedibu</i>	<i>padbh</i>
Gen.	<i>pdóm</i>		ποδῶν	<i>pedum</i>	<i>padām</i>
Loc.	<i>ptsú</i>	<i>pi-we-ri-si</i>	ποσί		<i>pastú</i>

направительного (только в поэзии и только с классического времени) и хеттского директива на *-ā* позволяет по крайней мере поставить вопрос об особой его форме в праиндоевропейском. Дальнейший переход функций директива к латинскому аккумулятиву (*Romam, domum*, etc.) говорит о функциональной необходимости наличия падежа со значением директива в системе, где имелся и локатив, и аблатив.

Зилер подробно рассматривает развитие падежных показателей по типу склонения, а также по падежным показателям, демонстрируя те инновации и архаизмы, которые содержит флексия, а также и словообразование (ср. на с. 309–310 о греч. ἔως, лат. *aurora*, где Зилер постулирует по типу лат. *flōs: Flōra* оппозицию **awsōs: *ausōsa* со значением "явление": "покровительница явления"; это тип основ, продуктивный в латыни).

Необходимо отметить и несколько неточностей, которые неизбежны в книге такого объема: С. 305: в парадигме появляется неведомое и несуществующее *we-te-e* с удивительным примечанием: «*wetehe* 'year' (ἔτος, Fетос; Мус. *we-to /wetos/*). Такой формы в микенском нет, да и сам Зилер не настаивает на том, что она микенская. Откуда же она появилась? § 274 посвящен склонению корневых слов. Здесь сразу же нужно заметить, что остается без объяснения ряд вещей: первое, сам Зилер указывает на форму *pi-we-ri-di* как ед.ч. к *pi-we-ri-si*. Почему же она не указана в таблице? Дат. пад. *po-de* с переводом "to the foot" (р. 285) указан по ошибке: есть только контекст РY Та 641.1. *ti-ri-po, e-me, po-de, o-wo-we* * 201 VAS 1 "треножник с одной ножкой (*e-me po-de*) и с одной ручкой" — по контекстуальному

значению *po-de* скорее передает, как и форма *po-ni-ke*, инструменталис-социатив, а не собственно значение датива. Не упомянута в таблице и форма *po-pi* РY Та 642, которая может быть понята и как мн. и как ед.ч. инструменталиса [Шарыпкин 1989].

По моим представлениям, таблица должна была бы иметь вид, приведенный выше.

Разбирая спряжение глагола. Зилер (§ 401–458) подробно формулирует категории "эвентивных глаголов" с различиями на дуративные и точечные, а также по залогу на активные и медиопассивные, и по наклонению на конъюнктив, оптатив, индикатив и императив. Зилер исходит из предположения, будто наблюдаемое в ведическом синтаксисе предшествует тому состоянию, которое мы обнаруживаем у Гомера (с. 451). Из этого, в частности, следует интересное предположение о древности *praesens historicum*, который не встречается ни у Гомера, ни в поэзии архаического периода. В качестве доказательства Зилер приводит текст ἔλαβον (aor. ind. act) δὲ καὶ τὸ φρουρὸν καὶ τοὺς φύλακας ἐκβάλλουσιν (praes. ind. act.). Действительно здесь презенс употреблен со значением прошедшего как маркер синхронности действия. Эта функция презенса неизвестна в современных европейских языках, и очень похоже, что она на самом деле является промежуточной на пути становления *praesens historicum*, но с другой стороны, остается без объяснения, почему даже такая синхронизаторская функция презенса проявляется лишь в прозе и только в классическом греческом, но не встречается в поэзии. Действительно строгое соблюдение различий между презенсом и историческими временами в эпосе можно было бы попытаться объяснить законами жанра. Однако и за пределами эпоса такая

функция не представлена в греческой поэзии, при том, что ямбическая поэзия бывает близка к разговорному стилю. При всем том создается впечатление, что даже синхронизаторская функция медиа появляется не прежде, но одновременно с *praesens historicum* только в прозе и не ранее V в. до н.э. Напомним, что в отличие от *praesens historicum* употребление *praesens pro futuro* засвидетельствовано уже в микенское время. Зилер колеблется, принять ли *praesens historicum* в латыни за след влияния греческой стилистики, или же видеть в нем общий архаизм, восходящий к и.-е. эпохе.

Поучительны парадигмы и реконструированные формы, намного более полные и детальные, чем в обычных пособиях. Подробно рассмотрены архаичные формы, напр., лат. *inquat* говорю, повторяю", восходящее к древней форме составительного склонения **en-skʷ-âm* "я мог бы сказать" от корня **sekʷ-*. Зилер (с. 547) посвящает целую страницу и сопоставлению с греч. *ἐννεπε, ἐνίσπε, ἐνίσπον*, и разбору как морфологических особенностей (нулевая ступень огласовки корня, вообще свойственна атематическим образованиям презенса), так и аналогических процессов, действие которых включает форму мн.ч. в ряд тематических глагольных форм с нулевой огласовкой корня, типа *sistit, iungit*, что и способствовало закреплению форм *inquit* и пр.

В краткой рецензии не представляется возможным даже подробно перечислить оглавление интересной и содержательной книги Э. Зилера. Общее ощущение дельности, ясности и логичности изложения создается, в частности, за счет последовательного выделения спорных или не имеющих решения вопросов (напр. § 207). Неточности, подобные отмеченным в рецензии, а также некоторые спорные толкования фактов всегда неизбежны в пособии такого объема. Несмотря на них, книга Э. Зилера войдет в число настольных книг индоевропеистов и филологов-классиков. Взвешенный тон неторопливого и вдумчивого изложения сложнейших вопросов в простой и ясной форме и обилие примеров делают этот учебник приятным для изучения, а индексы слов позволяют использовать его и как справочное пособие.

Иванов Вяч.Вс. 1979 – Отражение правил индоевропейской синтаксической акцентуации в микенском греческом // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979.

Казанский Н.Н. 1978 – К реконструкции индоевропейского аблатива // *Проблемы реконструкции. Тезисы докладов*. М., 1978.

Казанский Н.Н. 1988 – К реконструкции категории падежа в праиндоевропейском // *Актуальные вопросы сравнительного языкознания*. Л., 1988.

Кудрявский Д.Н. 1896 – Суффикс *ablative singularis* в индоевропейских языках // *ЖМНП*. Ч. CCCIV, 1896.

Откупщиков Ю.В. 1968 – Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1968.

Трубачев О.Н. 1959 – Славянская ремесленная терминология. М., 1959.

Шарыпкин С.Я. 1989 – ВЯ, 1989, № 5 – Рец.: Казанскене В.П., Казанский Н.Н. Предметно-понятийный словарь греческого языка (Крито-микенский период). Л., 1986.

Эрну А. 1950 – Историческая морфология латинского языка. М., 1950, 261.

Hock H.H. 1986 – *Principles of historical linguistics*. Berlin; New York, 1986.

Meier-Brügger M. 1992 – *Griechische Sprachwissenschaft*. Bd. I–II. Berlin; New York, 1992.

Meillet A., Vendryès J. 1948 – *Traité de grammaire comparée des langues classiques*. 2-me éd. Paris, 1948.

Lejeune M. 1972 – *Phonétique historique du mycénien et du grec ancien*. Paris, 1972.

Rix H. 1962 – *Geschichte der griechischen Sprache*. Leipzig, 1962.

Sag I.A. 1974 – The Grassmann's law ordering pseudoparadox // *LIn*. 5. 1974.

Sag I.A. 1976 – Pseudosolutions to the pseudoparadox: Sanskrit diaspirates revisited // *LIn*. 7. 1976.

Schindler J. 1976 – Diachronic and synchronic remarks on Bartholomae's and Grassmann's laws // *LIn*. 7. 1976.

Schrijver P. 1991 – The reflexes of the Proto-Indo-European laryngeals in Latin. Amsterdam, 1991.

Н.Н. Казанский